

18+

НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АЛЕКСЕЙ БРУСНИЦЫН

Приключения Буратино

Алексей Брусницын

Новейший Завет

«Автор»

2021

Брусницын А.

Новейший Завет / А. Брусницын — «Автор»,
2021 — (Приключения Буратино)

2035 год. Скандальный журналист в связи со своей просветительской деятельностью попадает в опасную для жизни ситуацию, из которой самостоятельно ему не выбраться. На его счастье, им заинтересовывается некая могущественная международная организация и предоставляет защиту. Но ничего хорошего в этом мире бесплатным не бывает. И даже у плохого есть цена... Амбициозный молодой человек, конечно же, не хочет стать пешкой в чужой игре, но сможет ли он по-настоящему разобраться в сложившихся обстоятельствах и принимать самостоятельные решения, или ему только дадут такую иллюзию? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I. Журналист.	6
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Глава 3.	17
Часть II. Продавец.	22
Глава 1.	22
Глава 2.	27
Глава 3.	31
Глава 4.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Брусницын

Новейший Завет

Под любым городом есть Подземелье. Катакомбы, бомбоубежища, бункеры, метро. На худой конец теплотрассы и канализация. И чем старше город, тем глубже Подземелье. Наше, московское, чёрт знает где заканчивается, а в каком-нибудь Иерусалиме, например, оно вообще должно вести в Ад...

Из интервью диггера Сэнди порталу InfoOdin.

Часть I. Журналист.

Глава 1.

– Здравствуйте, – негромко прозвучал приятный мужской голос.

Максим Одинцов выпал из глубокой задумчивости, в которой пребывал, потягивая кофе и не чувствуя вкуса. Он даже вздрогнул от неожиданности; не заметил, как к нему кто-то подошёл.

Оглянулся. Рядом никого не оказалось.

Несмотря на обеденное время, терраса кафе на Воробьёвых горах почти пустовала. Посетители располагались на максимальном удалении друг от друга. Ближе всех, через два столика, сидела пожилая пара. Кавалер был обращён спиной к Максиму, а дама смотрела куда-то в сторону серой громады «Москва-Сити».

Официантов в поле зрения не наблюдалось – обслуживание тут, мягко говоря, ненавязчивое...

«Показалось», – решил Максим и натянул на голову капюшон; не хотелось, чтобы кто-то узнал его и нарушил уединение.

Кофе совсем остыл. Редактор и основной ведущий собственного информационно-новостного портала с отвращением отставил от себя чашку и снова погрузился в раздумье...

К Одинцову ещё со школы приклеилась кличка Один, поэтому его веб-портал, весьма популярный в русскоязычной части Интернета, назывался *InfoOdin*. Последние два года дела шли очень хорошо: миллионы посетителей, сотни тысяч подписчиков, рекламодатели строились в очередь, донаты текли рекой.

Жизнь была безбедна и насыщена. Максим давно забыл, что такое нищета и отчаяние...

– Вам не показалось, – снова прозвучал Голос.

Максим разозлился, встал, пристально осмотрелся. Даже заглянул за ограждение террасы – там никого не было. Что это? Шутки октябрьского ветра, налетающего порывами и подвывающего в капюшоне как в раковине?

Он возвратился на своё место.

...Изначально контент портала состоял в основном из новостей мира науки и высоких технологий и подборок научно-популярных фактов, которые младший научный сотрудник биологической лаборатории собирал и записывал в свободное от рутинной работы время. Это позволило набрать двести тысяч подписчиков. Тогда Одинцов бросил работу в НИИ, которая не принесла ему ничего кроме разочарования, и переехал из аспирантского общежития в провинции на съёмную квартиру в Москве.

Тогда и решил заняться ещё и разоблачениями. И не прогадал – разоблачения принесли славу.

Первым было развенчание спекуляций на тему колонизации Луны и Марса. В серии из нескольких статей и видеороликов Одинцов доказывал неосуществимость заселения этих небесных тел главным образом из-за невозможности в ближайшем будущем решить проблему защиты человеческих поселений от радиоактивного излучения. Государства и компании, которые развивают и поддерживают эти идеи, на самом деле преследуют совершенно иные цели, утверждал он.

В 2032-ом *InfoOdin* встал на защиту человечества от очередной пандемической истерии. Он убеждал, что опасность существует только в головах чиновников от здравоохранения и

функционеров ВОЗ и происходит из жажды наживы производителей вакцин, тестов на анти-тела, масок и прочей противовирусной чепухи.

Портал цеплялся за любые информационные поводы, допускающие альтернативное око-лонаучное видение, и неизменно оппонировал официальной версии. Среди его подписчиков большинство составляли бесогоны всех мастей: конспирологи, пессимистично настроенные футурологи, агрессивные экологи, антиваксеры и прочие глобальные нигилисты.

Иногда портал всё же приносил реальную пользу. Например, в тридцать третьем Один и уже появившаяся к этому моменту у него команда предсказали крушение новой, набирающей обороты криптовалютной пирамиды. Возможно, это расследование и ускорило крах, но спасло сбережения тысяч наивных простаков, готовых поверить в очередную сказку о Поле Чудес.

Штат портала постепенно разросся до тридцати человек – молодых, амбициозных и дерзких.

Последняя тема для разоблачения появилась два месяца назад, в конце лета 2035 года. *InfoOdin* обратил внимание на деятельность международной корпорации от гейминдустрии *Another U*, предлагающей человечеству следующий продукт: в мозг вживляется нейрочип, при активации которого клиент попадает в виртуальную реальность, где время течёт в несколько раз быстрее, чем на самом деле. Человек пребывает в состоянии, подобном сну, в котором, как преподносилось в пресс-релизе, «психика обретает эмоциональную гармонию, разрушенную бесчеловечной практичностью XXI века, а организм набирается физических сил для созидательного труда в реале».

В бета-версии предлагалось около пятидесяти сценариев, разбросанных во времени от первобытного прошлого до далёкого будущего. «В девственных джунглях, населённых динозаврами, или в галереях межгалактического круизного лайнера. На грубых досках палубы пиратского корабля, или на вощёном паркете бальной залы. Закованным в рыцарские доспехи или за рычагами управления танка времён Второй мировой войны. Или в эльфийском замке, устроенном среди ветвей гигантского дуба. Или в пещере «чужих» в теле «хищника». А то и в частных интерьерах под рубрикой 18+...». С момента официального запуска игры ассортимент миров обещали постоянно расширять.

Цена за такое «путешествие» предлагалась весьма умеренная. Любой работяга, отпахав день на заводе, может позволить себе шесть часов волшебного сна, за время которого его сознание переживёт несколько дней пребывания в виртуальной реальности. Трипы подороже могут растягиваться на месяцы и даже годы.

Прознав о готовящемся предложении, *InfoOdin* мгновенно отреагировал серией публикаций, в которых высказывалось следующее основное опасение: многие пользователи вовсе не захотят возвращаться в унылые будни из сказочного «зазеркалья», которое вызовет такую зависимость, что они будут проводить там всё своё свободное время. Реальная жизнь большинства людей превратится исключительно в зарабатывание средств на оплату виртуального существования. Фактически люди попадут в добровольное рабство.

Для пушей убедительности портал привлёк врачей и психологов, которые подтвердили опасность внутримозговых имплантов.

После этого начались неприятности...

Откуда ни возьмись появилась целая армия хейтеров, хоронящих материалы *InfoOdin* под лавинами дизлайков, негативных комментариев и угроз физической расправы. Роспотребнадзор по требованию лиц и организаций, интересы которых были задеты, обложил портал штрафами. В материалах портала обнаружили нарушения авторских прав и конфиденциальности, клевету и даже призывы к экстремистской деятельности и массовым беспорядкам.

Очевидно, сильно запуганная кем-то команда в одночасье попрыгала с тонущего корабля. С Одинцовым остался только его верный и очень высокооплачиваемый адвокат.

Через неделю должно состояться судебное заседание, на котором основателю *InfoOdin* предстояло или публично отказаться от утверждений, высказанных в материалах, касающихся виртуальной гейминдустрии, или убедить суд в их правоте. В противном случае грозил огромный штраф в пользу истца за дискредитацию его деловой репутации и антирекламу готовящегося к выходу на рынок продукта, а то и реальный срок за клевету...

Тут Голос зазвучал снова:

– Максим, вы меня слушаете?

Одинцов обречённо кивнул и подумал: «Что за чертовщина?»

Голос подождал с минуту, потом произнёс:

– Если вы отвечаете мне мысленно, то напрасно, я не могу читать ваши мысли. Скажите вслух.

– Да! Слушаю!

Получилось громко. Пожилая дама отвлеклась от созерцания городского пейзажа и посмотрела на Максима удивлённо: взрослый, с виду приличный мужчина типично славянской наружности ведёт себя по-хамски – говорит по своему телефону так, как будто один здесь...

– Кричать не нужно, – заметил Голос. – Можно шёпотом: если вы себя слышите, то и я вас слышу.

«Приехали... – расстроился Максим. – Слуховые галлюцинации. Голоса... Что это? Шизофрения? Только этого ещё не хватало!»

– Нет, это не галлюцинации и не сумасшествие. И в кофе ничего не подмешали, – Голос звучал успокаивающе.

– Ты же сказал, что не умеешь читать мысли! – возмутился Максим.

На этот раз на него посмотрела уже не только дама, но и её кавалер, которому пришлось для этого развернуться на стуле всем телом.

– Это правда. Технологии чтения мыслей пока не существует. Я просто предположил ход ваших размышлений, – отвечал Голос.

Максим резко развернулся. Ему показалось, что последние слова донеслись откуда-то сзади. При этом он зацепил ногой столик, чашка с остатками кофе разлетелась осколками по тротуарной плитке. Пожилая пара коротко посоветовалась и, прихватив посуду, переместилась на другой конец террасы.

– Максим, вы пугаете окружающих. Дайте мне две минуты, я вам всё объясню, – прозвучал Голос.

– Ты врешь, что не читаешь мысли! Откуда знаешь про окружающих? – прошипел Максим.

– Я могу видеть и слышать то же, что и вы, – поведал Голос.

Максим посмотрел вдаль и спросил:

– Ну и что ты сейчас видишь?

– Москву-реку вижу, Кремль, «Лужники». Теперь тучи, галок. Теперь ничего не вижу – вы закрыли глаза.

Максим перестал жмуриться и спросил отчаянно:

– Да что ты такое?!

И снова получилось очень громко.

Старички, как два перепуганных голубя, снова вспорхнули со своих мест и на этот раз совсем покинули террасу.

Остальная публика тоже с тревогой поглядывала в его сторону.

Голос в голове Максима стал строгим:

– Если вы не прекратите так себя вести, придет полиция, ближайшая машина ППС всего в двух минутах езды отсюда. А у вас и так проблем хватает...

Тут из дверей кафе вышел официант с метёлкой и совком в руках и направился прямо к Максиму – похоже, кто-то пожаловался на потенциально опасного наркомана.

– Успокойте его. И, главное, сами успокойтесь. Поверьте, ничего страшного не происходит, – и Голос умолк.

«Действительно, что это я как истеричка? – одёрнул себя Максим. – Ну долбанулся и долбанулся... не в дурку же теперь ехать. Ведь с крыши прыгнуть или убить кого-нибудь голос этот не требует. Пока, во всяком случае...»

– У вас все хорошо? – настороженно спросил официант.

– Всё прекрасно, – Максим натянул на лицо улыбку. – Включите в счёт бой посуды. И можно ещё кофе?

Официант проворно собрал осколки и удалился.

Голос молчал. «Может, отпустило? – понадеялся Максим. – С живым человеком поговорил, и отпустило».

– Ты здесь? – спросил он негромко.

– Да, – немедленно откликнулся Голос. – Вы готовы воспринимать информацию?

Максим кивнул. Потом спохватился и сказал:

– Да.

– Хорошо. Примерно две недели назад вы подверглись нападению со стороны неизвестных и оказались в больнице, – Голос замолчал, давая время припомнить.

Это приключилось с Максимом в конце сентября. Он подходил в вечерних сумерках к своему подъезду и... вдруг отключился. Очнулся на больничной койке. Капитан полиции, который явился тотчас после того, как Максим пришёл в себя, рассказал, что «скорую» вызвали соседи. Они обнаружили Одинцова без сознания.

В травматологическом отделении диагностировали закрытую черепно-мозговую травму с нарушением целостности мягких тканей головы. Рану пришлось зашить, после чего Максим целую неделю провёл в палате, избавляясь от последствий сотрясения мозга.

– Вы помните обстоятельства, которые предшествовали нападению? – спросил Голос после паузы.

– Всё, что было до, помню прекрасно, но самого нападения я не помню совсем...

В тот вечер Одинцов был у своего адвоката, Андрея Якушева.

Когда-то они учились в одном классе. Один и Дрон дружить не дружили, но и не враждовали. Когда в Москве журналистской деятельности Максима понадобилось юридическое сопровождение, он разыскал одноклассника в надежде, что тот кого-нибудь посоветует. По слухам, Андрей закончил юрфак какого-то второстепенного вуза в столице и сумел в ней зацепиться. Оказалось, что у Якушева частная практика и он сам с удовольствием возьмётся за ведение дел компании Одинцова. Максим согласился и не прогадал.

Тандем получился удачный, они сблизились, но не настолько, чтобы стать друзьями. Максима отталкивал циничный прагматизм Андрея, что не мешало, однако, их партнёрским отношениям. Журналист отдавал адвокату около четверти своих доходов, взамен, кроме юридических, получал ещё и множество других услуг; порой Дрон был способен на чудеса – за пятнадцать лет жизни в Москве он обзавёлся уймой знакомых в самых различных сферах.

На этот раз Максим пришёл с просьбой найти какого-нибудь солидного учёного, который помог бы утвердить его позицию на предстоящем судебном слушании. Адвокат вдруг стал убеждать клиента публично отказаться от своих претензий к современной гейминдустрии.

– Макс, поверь мне: ты ничего никому не докажешь, даже если приведёшь в суд президента академии наук. Отрекись! – Якушев весь подался вперёд, преданно заглядывая в глаза. Он всегда так делал, когда хотел казаться убедительным. – И всё вернётся на круги своя. Я советую тебе это не только как твой адвокат, но и как друг. Да, потеряешь несколько подпис-

чиков, но зато сможешь работать дальше. Иначе портал твой забанят навсегда, а тебя самого посадят. С тех пор как в уголовном кодексе клевету приравнивали к грабежу – это лет пять строгача. Никто о тебе через год уже не вспомнит. А когда выйдешь по УДО за хорошее поведение, новый инфоресурс заводить придётся, на котором рассказывать будешь, как в хату заходить правильно: чтоб не сразу отпетушили, а чуть попозже...

– Да что с тобой? Не от такой фигни отмазывались, – Максима поразила такая перемена в поведении обычно предсказуемого адвоката. – Ты ж сам меня призывал ничего не бояться, потому что в законе всегда дырка найдётся.

– Не тот случай, Максим. Не тот. Слишком серьёзных людей ты зацепил, закон тут уже ни при чём... Не поможем ни я, ни сам господь бог! Ты меня знаешь, я на ровном месте кипеш устраивать не стану. Будь умницей, иди опровержение готовить.

– Ты тоже давно меня знаешь, Андрей... – дальнейшее у Максима как-то само выговорилось. – В твоих услугах я больше не нуждаюсь.

Одинцов встал и направился к выходу.

– Ну и дурак! Ты же до дому даже не дойдёшь, не то что до суда! – раздалось за спиной злобное шипение. Максим обернулся и залюбовался даже. С его «друга» как будто маску сорвали: глаза налились кровью, а с ощеренных клыков, казалось, слюна сейчас закапает...

– Всегда знал, что в адвокаты одни упыри идут работать! – поделился наблюдением журналист перед тем, как хлопнуть дверью.

И вот как в воду глядел упырь – не дошёл Максим до дома...

– Никто вас по голове не бил, – продолжал Голос тем временем. – Отключил вас дротик из ветеринарного транквилайзера. А в больнице наши люди вскрыли вам черепную коробку и внедрили в мозг электронный биочип, с помощью которого мы сейчас коммуницируем.

– А почему тогда, почти всю неделю в больнице меня мутило, как с похмелья лютого?

– Процесс внедрения и калибровки чипа сопровождается неприятными ощущениями, сходными с таковыми при сотрясении мозга.

Подумав немного, Максим произнёс:

– Допустим, я поверю в этот бред. Тем более что если это не так, остаётся единственное объяснение – у меня крыша поехала... Но кто вы? ФСБ?

– Ни в коем случае! – Голос как будто слегка возмутился. – И не ЦРУ. И не Ми-6. И даже не Моссад. Пока могу сказать только одно: я представляю очень серьёзную организацию, и вы можете гордиться тем, что обратили на себя её внимание. В своё время всё узнаете... если захотите. Меня вы можете называть Буратино.

Из дальнейшего разговора Максим узнал, что чип ему внедрили без спроса исключительно потому, что жизнь его сейчас в опасности. В ответ на бурю возмущения со стороны идейного борца с внутримозговыми имплантами Буратино объяснил, что в создавшейся ситуации на переговоры попросту не было времени. После того как журналиста выведут из опасной зоны, Буратино отключится, и в дальнейшем, если Максим захочет, чип удалят.

Пока происходил этот странный «внутренний» диалог, Одинцов испытывал смешанные чувства. С одной стороны, его не оставляло подозрение, что он всё-таки сошёл с ума и, как классический безумец, сидит сейчас и сам с собой разговаривает. С другой стороны, ему, как яростному апологету научного прогресса, было жутко интересно происходящее.

Одинцов был в курсе современных технологий, к тому же, имея основательные познания в биологии и медицине, прекрасно понимал, что сейчас создать такой чип вполне возможно. Уже лет пятнадцать существовали и активно применялись чипы, вживляемые в мозг, почему бы не появиться таким, которые могут работать как передатчики. Так что, наверное, всё-таки крыша его на месте...

– А что ещё может этот чип, кроме того как контролировать мои чувства и транслировать твой голос?

– Не все чувства, – поправил Буратино, – только зрение и слух. Ещё мы мониторим некоторые физиологические и биохимические показатели организма. И... Есть ещё одна интересная функция, о которой вам доведётся узнать, только если вы окажетесь в опасной для жизни ситуации.

– А иначе никак?

– Никак. И поверьте, если вы останетесь в неведении, эта функция будет намного эффективнее. Во всяком случае, в первый раз.

– Ясно... – тут Максим решил, что пора прояснить следующий момент: – Слушай, Буратино, ты со мной на «вы», а я тыкаю. Давай ты тоже будешь со мной на «ты»?

– Хорошо. Как хочешь.

– Может, тогда на брудершафт выпьем? – журналист поднял руку, чтобы позвать официанта.

– Я бы не советовал тебе сейчас алкоголь или кофе, – заметил Буратино. – У тебя давление 154 на 102 и пульс 96. Возьми лучше что-нибудь поесть; сахар в крови упал так, что в обморок скоро упадёшь. Голод ты не ощущаешь только из-за стресса.

Максим последовал доброму совету, тем более что от кофе уже и впрямь тошнило. Он заказал сосиски с зелёным горошком и минеральную воду.

Ожидание заказа Буратино скрасил демонстрацией своих способностей. Предупредил о появлении на реке красного катерка, с визгом пронёсшегося вверх по течению, а потом и огромного серебряного электрохода, бесшумно скользящего вниз. Свой пророческий дар он объяснил тем, что у него есть возможность получать картинку окрестностей со спутника.

– Теперь у тебя нет повода сомневаться в собственной вменяемости и моей реальности, – объявил Буратино.

Максим, чтобы окончательно развеять сомнения и убедиться в том, что не он один видит суда, спросил у официанта, когда тот принёс заказ, не знает ли он, как называется удаляющийся электроход.

– Это «Путин». Он каждый день в это время здесь проходит.

Глава 2.

Полтора года назад Максим купил трёхкомнатную квартиру на пятом этаже восьмизэтажки на Академика Королёва, неподалёку от Останкинской башни. Два года до этого момента жильё он снимал, и его, приученного с детства к экономии, ужасали астрономические суммы, которые приходилось отдавать каждый месяц. Как только, благодаря заработку в Интернете, у Одинцова появилась возможность обзавестись собственной недвижимостью, он тут же это сделал.

Квартиру ему подсказал адвокат.

– Отличное вложение. Район хороший, почти Центр. Дом 60-х годов постройки – это тебе, конечно, не сталинский ампир, но и не хрущёвка. Кирпич! Лет сто ещё простоит, – вещал Дрон, как заправский риелтор. – Квартира небольшая, но тебе пока больше и не надо. Будешь готов купить побольше – легко её продашь, но уже дороже.

– Я думал взять что-нибудь попроще... Зачем мне три комнаты? Мне на саму хату денег ещё хватает, а вот ремонт в ней уже сделать не на что будет, мебель опять же... – посетовал Максим.

– Пустяки. Что-то предвещает спад твоих доходов? Ничего подобного! – адвокат привычно распластался на своём столе, как будто пытаясь дотянуться до клиента. – За три месяца, а то и быстрее и на ремонт заработаешь, и на гараж поблизости. Будешь в собственном джакузи лежать и шампанское трескать. Я, кстати, могу свой гонорар с тебя за это время не брать, потом отдашь...

– Интересно, сколько ТЫ с этой сделки получишь? – Максим невольно откинулся назад, – он не любил впускать в личное пространство кого-либо кроме дам, и тех ненадолго.

Адвокат только отмахнулся, но сел ровно и продолжил уже спокойнее:

– Жильё надо брать на вырост. Захочешь женой обзавестись – будет куда привести... – на этих словах теперь уже Максим замахал руками. – Ну-ну, всяко бывает. От тюрьмы и от семьи не зарекайся!

Адвокат захохотал; кроме пристрастия вторгаться в личное пространство собеседника у него была ещё одна некрасивая привычка – шумно радоваться собственным шуткам.

Райончик показался Максиму уютным. Останкинскую башню было видно из окна. Она уже лет пять не выполняла свою основную изначальную функцию – раздачу телесигнала. В ней работали только ресторан, который больше не вращался, смотровая площадка и пара лифтов. Максим любил символизм, и ветшающая телевышка за окном знаменовала собой торжество независимой журналистики над официальными средствами массовой информации, Интернета над телевидением...

Максим сразу же заселился в неотреставрированную квартиру и решил сам провести в ней перепланировку. По его замыслу, должна была получиться студия с кабинетом и спальней.

Одинцов собственноручно разрушал стены, разделяющие коридор, кухню и гостиную. Вышибал кувалдой по несколько кирпичей в день, убеждая себя, что это гораздо интереснее, чем тренировка в спортзале. Пыль постоянно висела в воздухе и скрипела на зубах. Пища, потребляемая в квартире, имела кислостый строительный привкус. Перед входной дверью вечно громоздились мешки с мусором.

Энтузиазм быстро иссяк.

Как только снова появились деньги, Максим нанял бригаду ремонтников во главе с дизайнером невнятной гендерной принадлежности. Остатки кухонной стены были переделаны в барную стойку, кирпичи очищены от штукатурки и покрыты специальным воском. То же проделали со стенами в гостиной. Дизайнер противился этому решению, утверждая, что голая кладка давно не в тренде, но Максим настоял – ему так нравилось.

Раздельный санузел переделали в объединённый, и в нём поместилось небольшое джакузи – воплощение представлений Максима об идеальном бытовом комфорте.

Комнату, отведённую под кабинет, обшили звукопоглощающими панелями и поставили шумоизолирующий стеклопакет, чтобы она могла служить ещё и студией.

Кровать в спальне подвесили на цепях к потолку. Это решение поначалу показалось Максиму спорным, но дизайнер был настойчив:

– Дорогой мой, поверьте моему опыту: когда вы попробуете ЭТО на подвесной кровати, по-другому вам уже не захочется.

В интерьер замечательно вписался антиквариат, оставшийся от старых хозяев. Дизайнер отреставрировал дубовый шифоньер с нелепой форточкой в дверце, о которой пошутил, что она предназначена для проветривания скелетов. И переделал тумбу под телевизор в полки для обуви.

Уже под вечер этого странного дня Одинцов очутился наконец у себя дома.

За несколько часов общения Буратино явил достаточно доказательств собственной реальности. Но Максим ещё не решил для себя следующий вопрос: стоит ли доверять таинственной организации, вышедшей с ним на связь таким нетривиальным способом.

Голос призывал осознать серьёзность ситуации, в которой оказался скандальный журналист, и утверждал, что в России не только здоровью, но и самой жизни Одина угрожает опасность. На прямой вопрос, исходит ли эта опасность от *Another U*, Буратино отвечал невнятно: отчасти да, но всё гораздо серьёзнее, чем кажется. И тут же предложил эвакуацию в страну, где Максиму обеспечат защиту, при условии, что он будет сидеть тихо и воздержится от заявлений в информационном пространстве. Немедленного ответа не требовалось, но Буратино предупредил, что тянуть не стоит, потому что с каждым днём опасность только увеличивается.

Максим наполнил джакузи, включил гидромассаж на полную мощность, разделся и полностью погрузился в воду, оставив на поверхности только нос. Закрыв глаза и расслабился. Водяные струи, бьющие снизу, не давали телу опуститься на дно, боковые течения удерживали посередине. Одинцов любил думать в таком состоянии – физическое равновесие приводило к равновесию душевному, и тогда приходили самые верные и взвешенные решения.

Для начала журналист подытожил все свои соображения о сложившейся ситуации.

Очевидно, что силы, которые строят ему козни, связаны с *Another U*. Эти силы действительно очень могущественны и могут воздействовать даже на государственные структуры. Поэтому в сложившейся ситуации единственно верный способ противостоять им – это ни в коем случае не молчать, а, напротив, продолжить убеждать сетевое сообщество в своей правоте. Тогда никто ничего ему сделать не сможет – побоятся общественного резонанса. Не захотят сотворить из него героя и мученика, посадив за решётку или устранив физически, – это нанесёт максимальный репутационный вред проектам, против которых он, как общественный деятель, выступает. Предоставить доказательства в суд тоже не помешает, но там любые, даже самые железобетонные, аргументы могут просто не принять во внимание, поэтому главное – привлечь на свою сторону как можно больше обычных людей...

И тут его осенила одна простая мысль. Он даже сел на дно и отключил гидромассаж.

Предсказание адвоката во время их последней встречи по поводу того, что Одинцов не дойдёт до дома, сбылось буквально, и, как выяснилось, из-за вмешательства таинственной организации, от имени и по поручению которой вещает «внутренний голос»! Это они выстрелили в него транквилизатором...

Далее. И Якушев, и Буратино добиваются одного и того же: чтобы *InfoOdin* заткнулся.

Ясно, как дважды два, что адвокат и Буратино действуют сообща и работают в конечном итоге на *Another U*. К тому же эта компания специализируется на внутримозговых имплантах, и предположение, что чип, который вживили Максиму, – это их продукция, самое разумное.

Когда Максим вылез из воды и завернулся в купальный халат, заиграла мелодия видеозвонка на его гармошке¹. Это была Алина.

Он немного поколебался, прежде чем ответить.

– Максик, привет! – судя по интонации и слегка расфокусированному, томному взгляду, она была подшофе.

– Привет, – сдержанно ответил Максим, которому было неловко из-за незримого присутствия Буратино.

– Ты дома? Что делаешь? – ответов она дожидаться не стала. – Я приеду сейчас.

Последнее предложение не содержало даже намёка на вопросительную интонацию. В другое время Максим бы обрадовался этому звонку, тем более что он не видел Алину уже больше недели, а то настроение, в котором она сейчас пребывала, обещало бурную и запоминающуюся встречу... Но он категорично отчеканил:

– Нет! Я не могу сегодня. Работа.

Девушка недоверчиво посмотрела на него.

– Как хочешь... Больше не позвоню! Звони сам, может, отвечу, – навязываться было не в её правилах.

– Зря, – произнёс Буратино, после того, как она отключилась, – я отметил у тебя резкое повышение выработки норадреналина, когда она позвонила.

– Что зря? Я не понимаю... как... при тебе... – растерянно пробормотал Максим.

– Твои интимные приключения мне неинтересны, – заявил Буратино. – Я бы мог рассказать тебе почему, но, боюсь, ты не поверишь. Я и так не чувствую доверия с твоей стороны, но после этих объяснений его станет ещё меньше.

Максим вернулся к своим умозаключениям. Итак, цель его противников —добиться, чтобы он заткнулся и исчез. Поэтому они и хотят организовать его бегство – чтобы путь беглеца можно было отследить и обнародовать потом записи с камер видеонаблюдения в Интернете. Вот он подъезжает к аэропорту, вот проходит паспортный контроль, вот поднимается по трапу. Испугался, поверил в реальность угроз, убежал, улетел, скрылся. И вот уже там, куда его отправят, можно, что называется, и ледорубом по черепу... Никто и не вспомнит, что был такой. Месяц максимум пообсуждают его исчезновение. Может быть, кто-то из коллег – сетевых журналистов – заинтересуется позорным бегством Одина и опубликует расследование, которое оставит больше вопросов, чем даст ответов. И всё... имя его забудут навсегда.

Обдумав всё это, Максим разработал для себя следующие правила.

Первое. Он не должен никуда исчезать, наоборот – всегда быть на виду и не давать повода заподозрить себя в трусости или малодушии.

Второе. Никому не верить. Никто ему не поможет, кроме него самого. Все остальные, проявляющие «заинтересованность» в его судьбе, – хитрые враги или подкупленные хитрыми врагами подлецы. Его предал даже адвокат, который называл себя «другом».

Третье. Об отношении к Буратино. Смотреть второй пункт и не быть наивным фантазёром, верующим в некую могучую силу, противостоящую врагам человечества и лично его, Одина, врагам. Завтра же попытаться избавиться от биочипа.

Тут произошло нечто заставившее Максима усомниться в своих выводах относительно адвоката. Была уже почти полночь, когда тот позвонил. Вызов пришёл из приложения, кото-

¹ Гармошка, или триплфолдер, или просто фолдер, – разновидность спутникового телефона. Панель складывается вдоль три раза, делая возможными форматы от телефона до планшета. (Здесь и далее примечания автора).

рое невозможно прослушать, во всяком случае, так думали его пользователи. Поколебавшись, Максим всё-таки решил ответить.

– Привет! – адвокат звучал так, как будто между ними ничего не произошло: ни ссоры, ни того, что он ни разу не то что не навестил своего основного клиента в больнице, но даже не позвонил, чтобы справиться о самочувствии. На всякий случай, не дожидаясь ответного приветствия, Дрон сразу перешёл к делу. – Нашёл я тебе учёного. Серьёзный дядька, доктор наук целый. Профессор. Нейрофизиолог. Готов на интервью, но чтоб его лица видно не было. И голос изменить требует. Расскажет о том, что чипировать мозги – это то же самое, что лоботомию сделать. Полная потеря личности и всё такое...

– Привет, – Максим за время этого монолога успел передумать бросать трубку и решил тоже сделать вид, что между ними ничего не произошло. – А почему он шифрованный-то такой?

– Странный вопрос! Дядька не дурак. Он же видит, как тебя загнобили, и для себя прекрасно последствия представляет. А что ты переживаешь? Так ещё таинственнее и драматичней будет. Его всё равно никто не знает, кроме узких кругов... Какая разница, каким голосом он будет говорить, главное – что.

– Согласен... – Максим подумал. – Давай тогда интервью в «бункере» проведём. Организуешь?

– Это на Пресне, где с диггером тем два года назад? – зачем-то решил уточнить адвокат.

Два года назад Один брал интервью у одного исследователя московских подземелий по кличке Сэнди, который заявлял, что нашёл «вход в Преисподнюю». Максим записал разговор с ним здесь, в подземном антураже. Диггер на камеру пообещал провести журналиста ко входу в Ад, а возможно, и дальше, но перед этим ему нужно проверить там всё самому. После этого он бесследно исчез. Девушка Сэнди и родители искали его с полицией. Максим попытался узнать о его судьбе с помощью диггерского сообщества, но тщетно – там все поверили в то, что он сгинул. К Вратам Ада идти никто не захотел. Расследование тогда ничем не закончилось, обвинять без вести пропавшего во вранье Один не стал. Сделал ролик, в котором сам пошарился немного по подземелью и рассказал мистическую историю исчезновения диггера.

– Что за вопросы дебилские? – раздражённо ответил журналист. – По телефону же говорим.

– Хорошо-хорошо... Я понял! Всё организую на завтра, – поспешил успокоить его осознавший свой прокол адвокат.

– Жду.

– А где «спасибо»?

– На счету своём увидишь... Пока! – Максим сбросил, не дав Якушеву попрощаться.

Примерно через минуту после этого разговора подал голос Буратино:

– Максим, ты же понимаешь, что тебя заманивают в ловушку.

– Да кому я нужен? Ловушку... Смешно.

– Ты напрасно недооцениваешь степень опасности. Людей убивали по гораздо более ничтожным причинам, – Буратино был явно взволнован. – Тем более бункер... если это под землёй – то вдвойне опасно!

– Да что за чушь?! – не сдержался измотанный за день Максим. – Достал со своей заботой...

Буратино воспротивился возможности, предложенной адвокатом... Что ж, это означает, что они не союзники. Но доверять ему всё равно повода нет; цель устранить Максима из инфополя осталась.

Что же касается адвоката... Возможно, он действительно по чьему-то наущению призвал клиента отречься от своих слов. Перекупили Якушева или запугали – не важно. Важно то, что он всё-таки организовал интервью. Устыдился своего предательства. А скорее всего, понял, что раз уговорить клиента отречься от своих убеждений не получилось, то за это ему не заплатят, тогда какой смысл терять гонорар от Максима, не выполнив его поручение. Поэтому и нашёл учёного...

Разговор с профессором никак не должен был ухудшить дело, а значит, нужно, чтобы он состоялся. Заодно, может, нейрофизиолог поможет избавиться от насильно внедрённого в голову биочипа.

Глава 3.

Сегодня был чётный день месяца, и Максим выгнал из гаража двухместный электро-мобильчик «Тайвань». Из двух своих машин эту он любил больше хотя бы потому, что она была новой. Первой была огромная, неповоротливая, старая «Тесла», которая занимала полтора места на платной парковке.

К началу тридцатых проблема пробок в Москве решилась просто. Повсеместный отказ от автомобилей на бензиновой, дизельной и газовой тяге привёл к космическому росту цен на углеводородное топливо – так этот агонизирующий сектор экономики пытался компенсировать катастрофическое снижение объёмов продаж. Людям пришлось избавляться от своих железных коней по цене металлолома – переделать внутреннее сгорание на электротягу оказалось дороже, чем купить новый электрокар, а купить новый – далеко не всем, даже москвичам, по карману. Опять же почти полное отсутствие вторичного рынка электромобилей привело к двукратному снижению количества автовладельцев в столице. Многие москвичи предпочли более дешёвые электрические велосипеды и скутеры, для которых на дорогах были выделены специальные полосы. Многократно возросла нагрузка на общественный транспорт, увеличилось число пользователей каршерингов. В итоге дороги стали гораздо свободнее за счёт сокращения количества легковых автомобилей и введения двухэтажных электробусов на большинстве маршрутов.

Кроме того, на каждый легковой автомобиль, находящийся в частной собственности, наложили ограничение: на машинах с госномерами, заканчивающимися на чётную цифру, можно было ездить только по чётным дням месяца, а на нечётную – соответственно, по нечётным. Таким образом, только очень хорошо обеспеченные люди могли позволить себе передвигаться по городу на личном автотранспорте каждый день: две машины, два места в гараже или на стоянке, четыре пары сезонной резины.

У Максима совсем недавно появилась вторая тачка для поездок по чётным дням. И, как нарочно, почти сразу после её приобретения дела пошли под откос...

«Тайвань» радовала водителя своей резвостью: мгновенно отвечала на малейшее изменение давления на педаль газа – свежий движок, свежие «батарейки».

После восьми часов вечера машин на дорогах было мало. Только самая правая полоса движения напоминала медленно ползущий конвейер с огромными консервными банками электробусов. Максим преодолел расстояние от Останкино до Пресни за полчаса.

Электрокар он оставил на парковке возле зоопарка, с трудом протолкался сквозь толпы пассажиров метро с угрюмыми, приплюснутыми лицами в подземном переходе под Красной Пресней, прошёл мимо стадиона, срезал угол через парк и углубился в разномастный лабиринт жилых домов. Немного поплутав между заборов, которых раньше не было, нашёл самый старый дом в околотке, проник через арку во двор и подошёл к укрытой жестяным проржавевшим навесом лестнице, ведущей ко входу в подвал.

Та самая железная дверь с облупившейся коричневой краской и приваренной ручкой из арматурины лишь казалась запертой; она оглушительно закричала так же, как и два года назад.

– Максим, прошу тебя не ходи туда. Под землёй мой сигнал не работает... – раздалось в голове.

– Это смешно, Буратино. Ты думаешь я не знаю, на кого ты работаешь?

– Ты не можешь этого знать. Если ты решил, что это *Another U*, то ты глубоко...

– Да пошёл ты!

Журналист решительно шагнул через порог.

Достал из кармана фонарь, включил и уверенно зашагал из одного подвального помещения в другое. Скоро он разыскал массивную металлическую дверь. Петли её давно проржа-

вели, и она была заклинена в полузакрытом положении. Из проёма тянуло холодом и сыростью. Максим протиснулся в него и очутился в гулком тоннеле, шириной метров в пять, который явно не мог уместиться под домом и вёл в даль, которую не доставал луч фонаря.

Максим двинулся вперёд, чувствуя, как понижается уровень пола. Шагов через двести уклон прекратился. По сторонам коридора стали изредка появляться черные дыры боковых ответвлений и разнокалиберные ветхие двери. Чем дальше он шёл, тем больше тянуло сыростью, под ногами блестела вода, начало хлюпать. Пройдя ещё шагов триста, Максим остановился возле двери из грубых досок, между которыми сочился свет. Он выключил фонарь и потянул дверь на себя.

Яркий луч ударил по глазам. Максим шагнул в помещение и не стал отворачиваться или закрываться, дал себя разглядеть. Через несколько секунд луч ушёл в сторону. След от него в поле зрения стал оранжевым, затем фиолетовым и наконец исчез. В отражённом свете двух фонарей Максим разглядел комнату с бетонными стенами.

Кроме Одинцова здесь были ещё два человека. Один из них – адвокат Андрей Якушев – сидел у стены на диване из ободранного автомобильного сиденья, другой стоял напротив метра в двух. Максим включил свой фонарь и осветил лицо незнакомца. Тот прищурился. Старомодная вязаная шапочка. Морщинистое худое лицо с редкой бородкой. Тонкая шея с заметным кадыком. Клетчатая рубашка, тёмная куртка. Максим направил луч фонаря вверх.

– Познакомьтесь, господа, – подал голос адвокат. – Альберт Семёнович Велипёсов, доктор биологических наук, профессор. Максим Одинцов, журналист, – и, поколебавшись, добавил: – Публицист.

Паучья лапка профессора оказалась неожиданно цепкой.

Максим заметил два раскладных стульчика посреди комнаты, их принесли люди адвоката, которые подготавливали встречу. Напротив стульчиков, на тоненьких штативах были установлены маленькие автоматические камеры.

– Давайте присядем, – Максим решил, что пора взять на себя инициативу, и сделал приглашающий жест.

Профессор осторожно уселся на кажущийся хрупким стульчик. Он был напряжён и держал спину прямой, а руки на коленях.

Тогда адвокат встал и включил небольшой софит, который освещал интервьюируемого сзади, так, чтобы виден был только силуэт, и эффектно выхватывал из тьмы лицо интервьюёра.

Чтобы успокоить и расположить учёного к беседе, журналист улыбнулся и произнёс интеллигентно:

– Ну что ж, Альберт Семёнович, с чего начнём? Может быть, расскажете свою профессиональную биографию? Естественно, без имён...

– Так не обращайтесь, прошу, ко мне по имени! – Впервые подал голос профессор. Он оказался резким, высоким и неприятным. – Вы уже включили запись?

Максим почувствовал, как напряглась его улыбка.

– Ну что вы? Как можно без предупреждения?

– Всё, что вам нужно знать обо мне, вы уже знаете. Называйте меня «Профессор». Включайте! – приказал противный старик.

Журналист удержался от резкого ответа, достал гармошку и, не разворачивая, несколько раз дотронулся до экрана. Автоматические камеры зажужжали тихо и навелись одна на Профессора, другая на Одина, загорелись зелёные огоньки.

– Итак. С чего ВЫ хотите начать?

Профессор заговорил уверенно:

– Чипирование с помощью внутримозгового импланта абсолютно безопасно. Мы достаточно далеко продвинулись...

– Простите, Профессор, – остановил его Максим, – вы, наверное, хотели сказать: «НЕбезопасно».

– Не имею проблем с выражением собственных мыслей.

– Но мы ведь собирались говорить совсем о другом. О том, что чипирование хуже лоботомии... – напомнил журналист.

– Я просто сделал вид, что согласен с бредом, который вы несёте у себя на портале, чтобы вы сподобились меня выслушать, – заявил Профессор.

Максим взглянул на Андрея. Адвокат положил ногу на ногу.

– Дослушайте до конца, молодой человек, и вы поймёте, что приехали не зря, – строго произнёс Профессор.

– Просто послушай, – поддакнул адвокат.

Максим развёл руками.

– Хорошо. Я послушаю.

– Чипирование с помощью внутримозгового импланта абсолютно безопасно. Мы достаточно далеко продвинулись в изысканиях и разработали продукт, готовый для внедрения среди самых широких масс народонаселения планеты, – Профессор произнёс это таким торжественным тоном, как будто возвестил о скором пришествии мессии.

– Кто это «мы»? – угрюмо спросил Максим.

– Исследовательский отдел корпорации *Another U*.

– Какого чёрта?.. – начал было Одинцов, но Велипесов его не слушал.

– Представьте себе гипотетического работягу, у которого одиннадцать часов в день уходит на работу вместе с дорогой и остаётся часов шесть на себя и часов семь сна. Скучновато звучит, не правда ли? А теперь представьте, что каждый час из этих семи превращается для него в день блаженства в раю, восприятие которого невозможно отличить от реальности. Что в этом плохого? Кто откажется?

Максим подождал немного и сухо поинтересовался:

– Это всё? Какие-то доказательства будут?

– А какие могут быть доказательства? Во-первых, вашего образования не хватит, чтобы понять даже базовые выкладки. А во-вторых, в лабораторию вас провести или документы показать я не могу – все работы, конечно же, засекречены. Просто поверьте.

Максим окончательно убедился, что зря теряет время. Только из вежливости подавил в себе порыв немедленно встать и выйти.

– Без доказательств. Просто верить... Мы что, в церкви?!

Старик вздохнул так, как будто невероятно устал объяснять очевидные вещи невеждам.

– Я могу привести сейчас как аргументы «за», так и аргументы «против». В любом случае вашего уровня познаний не хватит, чтобы отличить правду от истины.

– Вы совершенно напрасно недооцениваете мой уровень. Готовясь к каждому выступлению, я штудирую научные труды, проверяю первоисточники...

– Прекрасно. Значит, вы тем более должны понимать, что ничего не смыслите в предмете.

Максим растерялся, но вида не подал. Вслух произнёс:

– Ну конечно, у меня нет узкоспециальных познаний... Но я изучал биологию и медицину...

– Никаких «но» и «всё-таки»! Вы либо разбираетесь в предмете досконально, либо настоящий специалист сможет при желании ввести вас в заблуждение. Вы это понимаете?

Максим пожал плечами.

– В таком случае прекратите вставлять палки в колёса прогрессу! – потребовал Профессор и продолжил так, будто читал лекцию. – Когда Пифагор заявил, что Земля – шар, нашлись умники, которые потешались над тем, что он не понимает очевидного: с поверхности шара все люди попадали бы вниз. А когда Лэнгли собрался построить первый летательный аппарат на

паровой тяге, маститые коллеги из академии наук с пеной у рта и формулами наперевес кинулись доказывать, что полёт на устройстве тяжелее воздуха в принципе невозможен...

Велипесов чесал как по писаному, видно было, что подготовился. Максим решил его обломать. Он много раз брал интервью и понимал, как это важно – не отдавать инициативу интервьюируемому.

– Послушайте, я вам могу ещё фактов подкинуть – сам подборку на эту тему делал... Я же не отрицаю возможность использования внутримозговых имплантов в принципе, я говорю о том, что это невозможно на данном этапе развития цивилизации...

– Да что вы знаете о цивилизации и её развитии?! – с досадой воскликнул Профессор.

Максим решил не обращать внимание на этот выпад и продолжил:

– ...потребуется ещё минимум лет сто, чтобы...

– Да поймите же вы! Мы столетиями не разбрасываемся. Технология уже есть, и надо быть законченным ретроградом, чтобы препятствовать её применению здесь и сейчас!

– Допустим. Но нельзя использовать её как портал для бегства в иной мир. Это преступление. Людям не нужно...

– Да откуда вам знать, что нужно людям?! Кто дал вам право решать за них? – снова перебил его Профессор.

– А вам? —парировал журналист.

– А мы как раз за людей не решаем, мы даём им выбор!

– Это как предложить ребёнку выбор между приготовлением уроков и конфеткой! Только в данном случае – конфеткой отравленной...

– Я не собираюсь устраивать тут диспут! – вдруг завизжал старик. – Спорить с вами всё равно что с питекантропом... Не будем терять время. Выключите камеры!

Максим повинился, скрепя сердце. Он решил досмотреть представление.

Альберт Семёнович резко встал и отошёл в темноту к стене, наклонился и что-то поднял с пола. Когда он вернулся и сел, у него на коленях оказался чемоданчик.

– В общем так... У вас есть выбор. Либо вы пытаетесь отстоять свою правоту в суде, вам это, а я в этом больше чем уверен, не удастся, и вы лишитесь всего – вашего веб-портала, квартиры, обеих машин... Поверьте, штрафы сожрут это всё. Далее у вас отнимают право высказываться публично, а возможно, и весьма возможно, и свободу. Либо... – Профессор щёлкнул замками на чемоданчике, открыл его и развернул к Максиму. В чемоданчике лежали перетянутые банковскими лентами пачки купюр. – Это как аванс вы получите тотчас после того, как мы подпишем соглашение о сотрудничестве. Его составлял ваш адвокат.

Максим удивлённо посмотрел на Андрея, тот кивнул. Старик продолжил:

– До завтра подготовите опровержение на своём сайте. Суда не будет. Мир и процветание. Вы помогаете прогрессу – мы помогаем вашему portalу стать одним из самых популярных в мире. У нас огромные полномочия и возможности, и вы очень скоро сможете в этом убедиться.

Максим ухмыльнулся.

– Прямо как в кино... Сколько времени у меня есть на размышление?

– Предложение действительно ещё пять минут. Думайте. Судьбоносные решения надо принимать быстро. И не нужно полагаться на чувства, положитесь на математику, молодой человек, – Профессор захлопнул чемоданчик и побарабанил по нему пальцами.

Разумом Максим понимал, что действительно может быть так, как говорит вредный старик: из-за недостатка информации он сделал неправильные выводы и гонит пургу... Но предложение настораживало, что-то в нем было неправильное, он это интуитивно чувствовал... Максим начал говорить, надеясь на то, что окончательное понимание ситуации оформится в процессе:

– Альберт Семёнович... При всём уважении... Если бы всё было так, как вы говорите... Вашей компании было бы наплевать на какого-то журналисту, который что-то там вякает у себя

на портале. Просто сделали бы своё дело и доказали тем самым свою правоту... Представьте: вопреки неверующим в прогресс ретроградам вы продаёте свои замечательные, безвредные чипы и осчастлиливаете человечество. Люди видят, как это работает – и доводы противников технологии забываются в тот же день! Но нет... Всё не так просто. Вам почему-то сейчас, пока вы там что-то внедряете и позиционируете, необходим общественный резонанс...

Старик кивнул.

– Абсолютно верно. Мы просто хотим подготовить людей к нашему продукту.

Ответ прозвучал не очень уверенно, и тут Максима осенило:

– Ерунда! Вы либо сами не верите в безвредность технологии, либо в неё не верят те, кто вас финансирует... Либо вообще врётё!

Профессор молчал. В голове у Максима всё разложилось по полочкам.

– Знаете, вот этой попыткой подкупа вы самым очевидным способом подтвердили мою правоту. Спасибо. Я отказываюсь от сотрудничества с вами, – он повернулся к адвокату. – И от твоих услуг тоже. И на этот раз окончательно.

– А ты не такой дурак, как кажешься... ты гораздо глупее, – каким-то другим, зловещим голосом заговорил старик. – Это твоё последнее слово?

– Да! – гордо сказал Один, сам удивляясь своей принципиальности, и встал. – Мне пора.

– Ты бы не спешил так... – посоветовал Профессор и вдруг издал странный гортанный звук, что-то вроде: «Оэха!»

Максим увидел, как ветхая дверь с грохотом падает на пол. В помещение ворвались два гориллоподобных типа с мрачными физиономиями и схватили его за руки. Старик направил ствол журналисту в живот, отчего там возникло неприятное, тошнотворное чувство.

– Тебе придётся пойти с нами, – констатировал странный учёный.

– Стойте! – это был адвокат, который тоже поднялся со своего места. – Мы так не договаривались! Мы просто уйдём и сделаем вид, что этого разговора не было.

Старик повернулся к нему и, не говоря ни слова, выстрелил. На лбу у Якушева, над правым глазом, появилось чёрное пятнышко, глаза закатились, и он осел на своё место...

Выстрел показался Максиму оглушительным, в ушах зазвенело. С этого момента он как будто бы стал наблюдать за происходящим со стороны. «Это шок», – понял он.

Профессор снова провыл что-то непонятное, и Максим почувствовал, как его подхватили под руки, развернули и поволокли к выходу из комнаты. Движения мрачных типов были какими-то вялыми, как в замедленной съёмке. В то же время Максим почувствовал мощный прилив сил – ему попытались завернуть руки за спину, но он просто напряг мышцы и не дал этого сделать. На тупом, низколобом лице одного из конвоиров он заметил выражение удивления. Журналист попытался избавиться от хватки, и один из громил полетел в стену, а потом другой врезался в старика, который очень медленно распрямлялся, поднимая с пола чемоданчик. Они покатались, как кегли. Помня о пистолете, Одинцов в один прыжок проскочил дверной проём и помчался по тоннелю. Даже без фонаря он прекрасно ориентировался по звуку собственных шагов, который отражался от стен и формировал в голове трёхмерную картинку.

Максим понял, что это никакой не шок, а та самая секретная функция биочипа, активизирующаяся в критической ситуации, о которой говорил Буратино. Силы, скорость, восприятие возросли многократно, решения принимались чётко и безошибочно.

Когда он был уже возле входа в бомбоубежище, сзади раздались хлопки выстрелов и пули принялись глухо впиваться в стены вокруг и звенеть металлом двери. Максим ящерицей проскользнул в щель и скоро оказался у выхода из подвала.

Свет резанул по глазам, он невольно зажмурился, а когда сумел открыть глаза, совсем рядом с ним очутилось несколько силуэтов.

Часть II. Продавец.

Глава 1.

Когда из-за недостатка естественного освещения читать стало невозможно, продавец закрыл книгу и сунул её под прилавок. Можно было не смотреть на часы, сейчас, в начале апреля, темнело ближе к восьми, значит, как раз пора закрывать магазин. Оттуда же, из-под прилавка, Даниэль, или, как его называли близкие – Малыш, достал старый, потёртый «Глок» и сунул в правый карман свободных, как шаровары, шорт. Там же, в прилавочных недрах, прятался баллончик с автомобильной краской «Металлик» – он занял место в другом кармане, повыше колена, с клапаном на пуговице.

Молодой человек вышел на улицу и стал крутить тугую рукоятку, опуская на витрину рольставни. Их украшала напылённая красной краской надпись на иврите, призывающая «вонючих русим убираться в свою вонючую Русию». Она была обнаружена Даниэлем ещё утром, во время открытия магазина. Установить авторство этого шедевра уличного искусства помогли записи камер наблюдения. В предрассветных сумерках, когда фонари уже отключились, а солнце ещё не взошло, Шломик, хозяин хумусной на другой стороне улицы, торопясь и оглядываясь, свершил акт вандализма, сопряжённый с разжиганием межнациональной вражды. Он, конечно, не знал, что камеры магазина «Русская книга», старые скрипучие ставни которого закрываются с помощью ручного привода, могут работать в инфракрасном режиме.

Пристегнув рольставни замками к земле, продавец достал баллончик, взболтал его и стал аккуратно забрызгивать воззвание. Всё это время он буквально чувствовал затылком чей-то взгляд. Закончив, отошёл на пару шагов и с удовлетворением оглядел дело рук своих. Потом резко обернулся и успел застать следующую картинку: Шломик стоял на пороге своего заведения и, теребя пейсы, злобно пялился на «вонючего руси». Вандал тут же отвёл глаза.

– Шалом! Ма нишма, ахи?² – крикнул Даниэль и помахал рукой.

Шломик сделал вид, что не заметил приветствия и скрылся в недрах своего горохового царства. Лицом Даниэль был похож на еврея ничуть не меньше самого Шломика, но что-то заставляло последнего питать непримиримую вражду к репатрианту из России.

Продавец запер изнутри входную дверь и подошёл к прилавку, за которым уже сидел хозяин магазина – Борис Ефимович Очиповский, он же Карлсон. На забавного человечка с моторчиком он похож не был ни внешне – высокий и подтянутый, ни возрастом – полный расцвет сил родившегося ещё в СССР Очиповского миновал лет двадцать назад. Бориса Ефимовича прозвали Карлсоном, потому что он похоже изображал голосом одноимённого героя из старинного мультфильма и к тому же жил на крыше.

Как всегда пунктуальный ровно в восемь хозяин «Русской книги» примчался снимать кассу.

Создавалось ощущение, что у Карлсона-Очиповского всё-таки был моторчик, но не на спине, как у мультяшного прототипа, а чуть пониже, поскольку на месте он никогда не сидел. С утра до вечера носился по всему Израилю, встречался с кем-то, что-то куда-то завозил. Была в магазине функция «Доставка», и Карлсон почти всегда сам доставлял заказы. Курьеры обошлись бы дешевле, но таким образом он, видимо, убивал свободное время, которым располагал с избытком.

² Мир! Что слышно, братишка?

Свой винтажный бензиновый «Бьюик» шеф ставил во дворе и входил в магазин через заднюю дверь. Иметь такой автомобиль в Израиле было совсем невыгодно: топливных заправок почти не осталось, цена литра бензина на них приближалась к стоимости бутылки ара́ка³. Все давно пересели на куда более экономные электрокары, которые не имели заправок вовсе, а бесконтактно заряжались от индуктивных катушек, уложенных под дорожным покрытием по всей стране. И только очень немногие апологеты двигателей внутреннего сгорания отравляли воздух Земли обетованной выхлопами своих бензиновых динозавров. Очиповский говорил с гордостью: «Да я любую эту вашу электрошляпу и на трассе как стоячую обойду, и в режиме «старт-стоп» мне равных нет».

– Ну что, Малыш, опять по полям? – весело спросил шеф.

– Да нет, Борис Ефимович, сегодня в минус ушли, – в тон ему ответил Даниэль, хотя не очень хорошо понимал, чему тут радоваться. – Вот пришлось краску купить, – он достал из кармана и поставил на прилавок пустой баллончик. – Паскуда Шломик опять на скальной живописью занимался.

– Ты меня огорчаешь, – хозяин нахмурился. Он вообще очень часто огорчался даже по незначительным поводам и тут же сообщал об этом. – Натравить бы полицейских на идиота, но не хочу я, чтоб про инфравизоры узнали...

– А хотите, я в засаде буду сидеть? – предложил продавец. – Когда в следующий раз станет пакостить, я его так прихвачу – мало не покажется. И в полицию за гизану́т!⁴

– И не жалко тебе сном ради этого жертвовать? Или на сверхурочные рассчитываешь? – подмигнул Карлсон. – Такой маленький пацак, а такой меркантильный кю!

Очевидно, это была цитата, но Даниэль не стал уточнять её происхождение, не желая нарваться на проповедь по поводу утраты культурной парадигмы и рекомендации прочитать или посмотреть цитируемое произведение, обычно давно не популярное. Чтобы оскорбиться, ему хватило эпитета «меркантильный».

– Можете вообще за это не платить. Так поймаю. Бесит.

– Ладно, Малыш, не напрягайся, – Борис Ефимович по-приятельски ударил продавца по плечу. – Не стоит стервец того. А в полиции скорее ему поверят, чем тебе. Шломик ведь заявит, что ты сам всё это подстроил, лишь бы честному са́бру⁵ насолить...

– Как по мне, вот это и есть самый настоящий гизанут, когда в полиции верят не тому, кто говорит правду, а тому, кто здесь родился!

Борис Ефимович рассердился. Но вовсе не из-за критики местных порядков; кроме прочего он был яростным борцом за чистоту русского языка.

– Малыш, ты меня очень огорчаешь... Как это дурацкое «как по мне» должно звучать правильно, ты хоть знаешь?

– В смысле? Как это может ещё звучать?

– «По-моему», Малыш, «по-моему», а не «как по мне»!

– А. Ну может быть... Но, как по мне, это неважно.

Карлсон в отчаянии схватился за голову. И тут же разразился гневной тирадой о том, что это просторечное выражение, которое каких-то двадцать лет назад было частью нейролингвистической характеристики исключительно дремучего быдла, но каким-то непостижимым образом, видимо, с увеличением культурного и языкового влияния этой зловонной помойки – Интернета просочилось во все слои общества и абсолютно не к лицу относительно интеллигентному человеку, коим должен являться продавец книжного магазина...

³ Ара́к – анисовая водка арабского происхождения.

⁴ Гизану́т – *ивр.* расизм.

⁵ Цабáр – *ивр.* разновидность съедобного кактуса. Так в Израиле называют евреев, родившихся на территории страны. «Снаружи колючий, а внутри нежный».

Нравоучение могло бы продолжаться ещё долго, но было прервано хлопком двери чёрного хода.

Через мгновение взору собеседников явилась Дорит. У обоих перехватило дыхание. Прекрасная мулатка – плод любви украинки и эфиопа – была облачена в сверкающее изумрудное платье, целомудренно прикрывающее ноги до самого пола, но с более чем щедрым декольте. Густые черные волосы её были собраны в высокую причёску и прихвачены лёгкой бриллиантовой диадемой с крупным кровавым рубином, младшие братья которого украшали уши. Африканская принцесса – не меньше. Антураж книжного магазина вокруг неё смотрелся странно и неуместно.

– Эрев тов⁶, мальчики! – произнесла Дорит низким, источающим соблазн голосом и ослепительно улыбнулась.

В качестве ответного приветствия Малыш очень нелепо помахал ей рукой и, не выдержав её прожигающего насквозь взгляда, покраснел и потупил взор.

– И тебе, это самое... Добрый вечер, Дора, – выдавил Карлсон. – Куда это ты так нарядилась?

– Так в канадском посольстве приём сегодня, – красавица перевела свой луче­мёт на него.

– Да-да, конечно, помню... – теперь Борис Ефимович зарделся и зачем-то выдвинул пустой ящик антикварной кассы. Когда Очиповский попытался вернуть его на место, тот не защёлкнулся, а со звоном отъехал обратно.

– Офигеть, как ты шикарно выглядишь! – поспешил на помощь шефу Малыш.

– Вы очень галантны, Даниэль, – Дорит улыбнулась надменно.

Малышу захотелось спрятаться под прилавком. Карлсон, чертыхаясь, продолжал воевать с кассой.

– Ладно. Не скучайте. Ялла, бай, лехитрайот⁷! – Дора ловко развернулась на высоченных каблуках и пошла на выход модельной походкой.

Мужчины пролепетали ей вслед:

– Ты поаккуратней там...

– Пока, Дора!

Когда вновь хлопнула задняя дверь, Малыш спросил нарочито беспечно:

– И чего заходила-то?

– Реакцию на парадный прикид проверить, – вздохнул Карлсон.

– Да уж... Прикид – что надо... – вздохнул и Малыш...

– Так! – Борис Ефимович с треском задвинул наконец ящик кассы. – Дело к тебе есть, – он показал Даниэлю фотографию в своём стретчере⁸, растянув его до размеров планшета. – Вот этого типа пробить надо: где живёт, чем занимается. Сейчас фото и данные скину. Есть имя с фамилией...

– Так я его знаю! – обрадовался Малыш.

Карлсон удивлённо вскинул на него глаза.

– Пойдём-ка ко мне, надо поговорить.

Дом, на первом этаже которого находилась «Русская книга», возведённый более ста лет назад, был великолепен. Во времена британского мандата его стены сложили⁹ целиком из

⁶ Добрый вечер. *ивр.*

⁷ Ялла, бай, лехитрайот! – устоявшаяся форма прощания у израильтян. Содержит в себе три языка: «ялла» *араб.* – давай, «бай» *англ.* – пока, «лехитраот» *ивр.* – до свидания.

⁸ Стретчер – разновидность телефона. Экран из гибридного материала на основе кристаллической решётки с памятью растягивается в три положения – телефон, планшет, монитор.

⁹ Времена английского мандата – период в истории Израиля с 1922 по 1948 год, когда территории современных Израиля, Иордании, Западного берега реки Иордан и сектора Газа находились под управлением Великобритании в рамках мандата

«золотого» иерусалимского камня, в отличие от более современных домов, у которых каменной была только облицовка, а сами стены – бетонными.

Располагался дом поблизости от административного центра города. Улица, на которой он находился, была мощёная, пешеходная, вся в магазинчиках, бутиках и ресторанчиках по сторонам отполированного миллионами ног булыжного тротуара.

На машине подъехать к дому можно было только с заднего двора, огороженного высокой стеной из того же «золотого» камня, над которой была ещё одна стена из густых кустов с глянцевыми, как будто пластмассовыми листиками. Кованая калитка имела высокие, с копьевидными навершиями прутья, доходившие до арки из переплетённых веток куста. Автоматические автомобильные ворота отъезжали за стену, когда надо было пропустить машину во двор, где свободно размещалось до трёх автомобилей.

Ещё три машины можно было поставить в гараже, занимавшем половину подвала, в который спускался широкий пандус. Это было дополнительное преимущество столетнего каменного дома; бетонные постройки редко имеют настоящий подвал.

Во второй половине подвала располагалось бомбоубежище. В нём был оборудован небольшой спортзал со штангой, гантелями, двумя универсальными тренажёрами с отягощениями на тросах и боксёрским мешком. В бомбоубежище размещалась также финская сауна с деревянной бочкообразной купелью.

На первом этаже, кроме магазина, был небольшой, но чрезвычайно уютный конференц-зал, обшитый морёным дубом. Часть его занимал шикарный стол для русского бильярда под зелёным сукном. Ещё в нём был дубовый бар в классическом стиле с богатым выбором напитков.

Наверх вели две лестницы в торцах дома. На втором и третьем этажах находилось по две квартиры. В одной из нижних, поскромнее, двухкомнатной, жил Малыш, в другой, четырёхкомнатной – прекрасная Дорит.

На третьем этаже над Малышом жили два друга: здоровяк Силён, неразговорчивый и начисто лишённый чувства юмора, и Евгён – тощий и саркастичный.

Вторая квартира на третьем этаже предназначалась для сдачи внаём. В ней обитали трое: два типа с бычьими шеями и бандитскими мордами, похожие друг на друга как братья, и молодой эфиопский еврей, очень чёрный и грациозный, как эбонитовая статуэтка. У них была ремонтно-строительная бригада, в которой верховодил негр. Во дворе стоял их старый минивэн с надписью «Шипуцим» на иврите и «Ремонты» на русском и двумя забрызганными краской стремянками на крыше. Этих жильцов Даниэль встречал редко. Вели они себя тихо, никого к себе не водили, возможно, такими были условия их проживания в доме.

На крыше жил Карлсон. Когда он приобрёл дом, то снёс чердак и переделал крышу в лофт с огромной террасой. Из подвала напрямиком на крышу был проведён лифт.

Если на книжных полках магазина и в интерьерах дома преобладала классика, то на крыше безраздельно властвовала эклектика. В просторной гостиной – мраморный камин в романском стиле с колоннами по сторонам и треугольным портиком наверху. На портике барельеф – античные воины, поражающие копьями и стрелами чудище, пытающееся выбраться из пещеры. Напротив камина – низкий японский обеденный стол, чёрный, с резными ножками, используемый как кофейный. С двух сторон его огибал угловой диван, футуристичный и строгий, на котором могли разместиться сразу человек шесть. Диван был белый. Рядом стояло любимое кресло Карлсона: красное, кожаное, антикварное, времён мандата, с рядами медных заклёпок и пухлыми подлокотниками.

Барная стойка из стекла отделяла кухонную зону с блестящими металлическими поверхностями, весьма неплохо оборудованную. На её фоне выделялся тёмный угловой мини-бар в готическом стиле с резной горгульей наверху.

В обеденной зоне гостиной – овальный стол в стиле модерн, окружённый изящными стульями с высокими спинками.

Вся эта лютая мешанина стилей в общей композиции смотрелась тем не менее весьма органично.

В лофте имелось ещё две комнаты, наверное спальня и кабинет. Малыш видел только их двери.

На открытой части крыши – всё из обожжённых газовой горелкой деревянных поддонов. Карлсон сам, с помощью шуруповёрта, болгарки и собственно горелки, сделал всю мебель: обеденный стол, две скамьи со спинками по длинным сторонам стола и два стула по коротким.

Все этажи дома очень украшали старинные медные петли, дверные ручки и светильники. К окнам были подвешены синие колониальные ставни под дерево, выполненные на самом деле из пуленепробиваемого композита.

Когда они поднялись на крышу, Малыш расположился на диване для гостей. Перед тем как приземлиться в своё кресло, Карлсон растопил камин. Был уже вечер, и комната освещалась в основном этим уютным огнём.

– Ты узнал человека на фото. Как ты с ним познакомился? – вернулся к разговору шеф.

Глава 2.

Даниэль Альтман иммигрировал меньше полугода назад и помимо обитателей дома Карлсона знал не так много людей в Израиле, в основном немногочисленных посетителей магазина. Тем более удивительно, что это лицо было ему знакомо...

Круглое, с лупатыми, как будто слезящимися глазами, мясистый нос скорее картошкой, большой рот с толстыми губами – есть такой тип лица у ашкеназских евреев.

Этот человек впервые появился на пороге магазина зимой. Даниэль на тот момент только начинал осваивать профессию книготорговца. Мужчина лет сорока выглядел солидно: тёмно-синее короткое пальто, брюки со старомодной стрелкой, чёрные ботинки на очень толстой подошве. Полосатый шарф, аккуратно повязанный поверх воротника – извечный атрибут творческой личности. Чёрный портфель, идеально подобранный фактурой и цветом под обувь. Комплекции посетитель также оказался солидной – килограмм сто на примерно метр семьдесят роста.

Даниэль ещё не научился отличать «местных» от бывших соотечественников, поэтому на всякий случай сказал:

– Цеураим товим!¹⁰ Здравствуйте! – надеясь, что незнакомец отреагирует именно на «здравствуйте», потому что на иврите тогда он умел только здороваться и прощаться.

– Здравствуйте! – прозвучало в ответ на чистом, хоть и картавом русском. Мужчина подошёл и зачем-то представился: – Лев Бронфельд.

Он протянул руку над прилавком, зацепив рукавом пальто стакан с авторучками, который Малыш успел подхватить, но несколько ручек оказались на полу. Продавец улыбнулся, желая подбодрить потенциального покупателя, чей взгляд стал растерянным, и пожал ему руку.

– Даниэль Альтман. Не беспокойтесь, я позже соберу. Что вас интересует?

Бронфельд окинул взглядом книжные полки.

– Из представленного – ничего.

Даниэль удивился.

– Но у нас очень хороший выбор. И в торговом зале далеко не всё, много книг в хранилище.

– Меня интересует Леон Брон.

– Секундочку. Я посмотрю в каталоге, – продавец щёлкнул пробелом на клавиатуре старинного компьютера.

– Не утруждайтесь, – остановил его посетитель и поставил на прилавок портфель. – Этого автора у вас наверняка нет.

– Это современный автор? В каком жанре он пишет? – продавец почувствовал вызов.

– Это очень современный автор, – Бронфельд возвысил голос на слове «очень». – И поверьте: ему подвластен любой жанр.

– Оставьте заказ, и мы доставим вам его книги в течение недели, если они, конечно, существуют в природе.

– Они существуют, и я упрощу вам задачу.

С видом фокусника посетитель достал портфеля глянцевою пёструю книжку и положил её перед продавцом. На обложке красовался портрет автора.

– Я понял. Леон Брон – Лев Бронфельд. Так вы писатель? – просиял продавец.

Бронфельд гордо улыбнулся и торжественно произнёс:

– Да. И я хочу предложить вам свою книгу на реализацию. Мистический хоррор «Полночные тени».

¹⁰ Цеураим товим! – *ивр.* Добрый день!

В общении писатель оказался довольно приятен. Он буквально светился желанием внимать собеседнику и, когда слушал, даже наклонял голову набок. Но когда начинал говорить сам, его было не остановить, пока он не выскажет всё, что хотел, и не выдохнется. Как будто забирал долг: я выслушал, теперь и ты меня послушай...

Бронфельд поведал, что является довольно успешным сетевым автором. В последнее время его доходы выросли, и он решил, что может позволить себе бумажные тиражи. При этом прекрасно осознаёт, что вряд ли много заработает на их реализации, но как дань традиции у каждого уважающего себя писателя должны быть осязаемые издания. К тому же они так приятно пахнут... Бронфельд даже поднёс книгу к носу продавца, чтобы тот мог в этом убедиться.

В тот же вечер, подкупленный обаянием и красноречием писателя, Даниэль взялся было читать «Полуночные тени». Устал он уже к двадцатой странице. Причём не просто устал, а смертельно, как будто всю жизненную энергию из него выкачали... Ему одновременно захотелось уснуть, выпить водки и повеситься.

Когда Малыш, пряча «Тени» за спиной, постучался к Карлсону, тот открыл не сразу.

– Беда, Борис Ефимович! Я взял у одного писателя книгу на реализацию. А это пакость какая-то, а не книга, – пожаловался Малыш с порога.

– Что за писатель? Где ты его взял? – Карлсон положил руку на плечо Малыша, направляя его в гостевую зону.

– Да нигде я его не взял, он сам пришёл! – вскричал в отчаянии начинающий книготорговец.

– Как фамилия? – шеф был невозмутим.

– Бронфельд. Пишет под псевдонимом Леон Брон.

Карлсон остановился и нахмурил лоб, припоминая.

– Нет. Такого не знаю.

– Говорит, что очень успешный автор, что известен в Интернете... Обложка симпатичная. Название сразу дурацким не показалось... – он протянул книгу шефу. – В общем, я повёлся.

– Да ты не переживай, Малыш, дело житейское! – сказал Карлсон мультяшным голосом. – Садись, разберёмся.

Он взял книгу и подтолкнул Малыша к дивану. Сам сел в своё любимое кресло, повернутое так, чтобы одновременно наблюдать и огонь в камине, и входную дверь.

Карлсон вообще любил свой камин и, когда было не слишком для этого жарко, топил его вечерами. В Иерусалиме относительно прохладно бывает с ноября по апрель; ветер с гор становится ледяным и делает Иерусалим, пожалуй, самым промозглым городом Израиля. Иногда он даже приносит снежные тучи. Берёзовые дрова для камина привозили откуда-то в штабелях, которые хранились в подвале. Именно берёзовые, почему-то именно их аромат был сладок и приятен для бывшего жителя средней полосы России.

– Говорит, известен в Интернете? – спросил Карлсон, осматривая обложку со всех сторон. – Ты проверил?

– Конечно. Не врёт. Все площадки его творениями завалены. Он плодовит, как дрозофила, и стабилен, как... – Малыш задумался на миг, подбирая эпитет, – инфляция. По несколько романов в год публикует.

– Что ж, давай посмотрим... – пробормотал Карлсон, открывая книгу.

Он внимательно прочёл первую страницу, гулко захлопнул книгу и печально посмотрел на Малыша. Потом раскрыл том случайным образом и пробежал глазами несколько строк. Сделал так ещё дважды, каждый раз сокращая отрывок, и, наконец, не меняя выражения лица, швырнул книгу в камин. Поднялся целый сноп искр и улетел в трубу.

– Туда ей и дорога! – выдохнул Малыш с облегчением.

– Меня очень огорчает чтиво подобного рода... И чтобы этого мусора и близко в моём магазине не было! – потребовал Карлсон.

Тут в гостиной появилась Дора в тюрбане из полотенца и купальном халате. Малыш машинально переменял позу на более мужественную. Он испытал целую палитру ощущений. Сначала в кровь хлынули сразу все гормоны радости и удовольствия, как всегда бывало при её появлении. Потом он ощутил адреналиновый укол ревности. Он понимал, что такая женщина не может быть одна... но то, что её избранником оказался старый, седой Очиповский, было очень неприятно. До этого Малыш пытался представить себе того, кто может укротить эту пантеру. Иногда себя в роли укротителя. А тут... Хотя кем бы ни оказался её хахаль, европейским аристократом или африканским монархом, материализовавшись, он вряд ли вызвал бы у него положительные эмоции. Так что Карлсон не худший вариант...

При виде Малыша мулатка улыбнулась. Потом заметила пылающую в камине бумагу.

– А что это у вас тут такое интересное происходит, мальчики?

– Да вот, предаём огню творение одного прохиндея, полагающего себя гением, – сердито сказал Карлсон.

Дора опустила на диван рядом с Малышом. Он вдохнул её аромат, и сердце его забилось ещё чаще.

Глядя, как догорает книга, она сказала задумчиво:

– Представляете, как это ужасно – мнить себя гением и быть при этом бездарностью? Это сродни сумасшествию. Ведь любой, серьёзно полагающий себя писателем, меняющим реальность и творящим миры, должен непременно также и полагать себя гением. Все остальные, готовые признать себя дарованиями средней руки, – не писатели, а так, щелкопёры. А если он при этом никакой не гений и чудовищно плох в своих потугах? Он может быть добрым мужем, замечательным другом и тонким ценителем искусств и абсолютно не осознавать собственной посредственности как творца... Чем тогда отличается он от Наполеона или Цезаря из палаты для буйнопомешанных? Его можно только пожалеть, господи...

– Однако есть вариант и похуже... – заметил Карлсон.

– Это какой же? – удивилась Дора.

– Когда этот говнодел признан и успешен.

К этому моменту злосчастная книжка уже обратилась в пепел.

– Ты узнал человека на фото. Как ты с ним познакомился? – Карлсон ждал ответа.

Малыш сразу вспомнил лицо, когда увидел фото, но фамилию вспомнить не мог.

– Это же автор того самого романа, который вы как-то использовали в качестве растопки... Помните? Ну этот... Бронфин... Бромгарц... Бромфельд... – забормотал Малыш, щёлкая пальцами.

– Бронфельд, – подсказал Карлсон.

– Точно! Лев Бронфельд!

Тогда шеф вдруг огорчился, и видно было, что на этот раз по-настоящему. Он уставился в камин, как будто пытался разглядеть в огне пепел той злосчастной книжки.

– Эх, Малыш-Малыш, как же ты меня огорчаешь... Теперь этот халтурщик будет нашим любимым автором, и выдели ты ему отдельную полку на самом видном месте.

Потом серьёзно посмотрел на Малыша.

– Пока я не могу объяснить, почему нас интересует этот тип, но готов поручить тебе следующее: выйди с ним на связь, подружись, залезь в душу. Выясни круг его общения, подружись с его друзьями, им в душу залезь... В общем, узнай о нём всё, что возможно узнать о человеке, не применяя пыток. Это задание можно считать стажёрским – после его выполнения, я смогу убедить руководство в том, что ты нужен нам как агент. Берёшься?

Даниэль согласился без раздумий; наконец появилась долгожданная возможность узнать больше о таинственной организации, от имени которой почти полгода назад на связь с ним вышел Буратино.

Глава 3.

Бывший интернет-журналист Максим Одинцов, а ныне продавец в иерусалимской лавке «Русская книга» Даниэль Альтман, прекрасно понимал, что книготорговое предприятие – это только прикрытие для чего-то гораздо более серьёзного и таинственного.

После неожиданно закончившегося интервью с Профессором на выходе из подвала старого дома на Пресне журналиста встретили люди, которых Буратино представил как своих коллег. Он рекомендовал слушаться их беспрекословно, если Максим хочет жить. После того как на его глазах убили одноклассника, а потом стреляли в него самого, Одинцов был, мягко говоря, деморализован и послушался бы хоть чёрта, если бы тот научил, как спастись от мерзкого старика и его жутких подручных.

Максима доставили в крохотную однушку в Медведково, где он находился безвылазно почти месяц. Один и тот же загадочный тип, который отказывался называть своё имя и почти не разговаривал, приносил еду.

Телефон у Максима отобрали и выдали для развлечения допотопный ноутбук без выхода в Интернет. В нём было несколько старых игр, которые Максим помнил ещё с детства. Сначала он играл, чтобы просто отвлечься от тяжёлых мыслей, но потом втянулся и проводил время с ностальгическим, приятным чувством. Он уже забыл, что можно так беспечно существовать – постоянные заботы о продвижении портала почти вытеснили подобного рода развлечения из его жизни.

В ноутбуке оказалась коллекция фильмов. Составитель киноподборки обладал оригинальным художественным вкусом; современных картин было совсем немного – в основном доисторический антиквариат с живыми актёрами и сценариями, написанными людьми, а не нейросетью.

Как-то с тоской выбирая, что посмотреть, Максим вспомнил, как один из журналистов *InfoOdin* на брейнштурме поднял такую тему:

– А вы заметили, как на рубеже второго и третьего тысячелетий резко деградировало искусство? Насколько двадцатый век в этом отношении круче двадцать первого!

– Ну хорошо. Ну допустим. Искусство уже не то... И что? Древняя, как говно мамонтов, тема! Мой дед что-то подобное втирает, как подопьёт, – возразил второй журналист, вечный оппонент первого.

– Надо же, какой умный у тебя дедушка... Как у него внучок такой недалёкий получился? – съязвил первый.

– Ну-ка, базар мне не устраивайте! Я тут самый старый, между прочим, на рубеже веков родился, но для меня эта деградация неочевидна, – осторожно заметил Максим, не желая обидеть первого – своего фаворита.

– Максим, но ты же сам слушаешь музыку, написанную не позднее нулевых, потому что всё, что позже накропали, по твоим же словам, – перепевки дешёвые, – всё-таки начал горячиться молодой человек.

– А я согласна. Например, фильмы... Современную синтетическую ботву смотреть невозможно! – подключилась журналисточка, ответственная за культуру и светскую жизнь.

– Конечно! Если знать, с чем сравнивать, – обрадовался поддержке первый. – А литература? Вторичная, третичная, пластиковая. Авторы не пытаются изменить читателя, а лишь подстраиваются под него. Ориентируются не на художественную ценность, а только на спрос.

– Лишь бы угодить лохам, чтоб покупали херню всякую, – поддакнул кто-то из редакторов.

– А изобразительное искусство? Тут я не особенно силен. Может, подскажет кто? – оглядел присутствующих первый.

Культурная журналисточка уверенно заявила:

– Да плохо всё. Либо гиперреализм – это когда фотографии рисуют зачем-то, либо абстракционизм дичайший...

Народ загалдел.

– Ну эт давно, ещё с «Чёрного квадрата»...

– Вот-вот. Херня для лохв!

– А что ты против чёрных квадратов имеешь? У меня в туалете плитка такая. Очень к размышлениям располагает.

– Да ну... гнилая тема. Не раскачать, – решил остановить галдёж второй журналист.

– Ну можно же попытаться по-новому взглянуть на причины, – стал выкарабкиваться первый. – Мировой заговор, например. Дескать, существуют некие силы, которые заинтересованы в поголовном отупении *Homo sapiens*...

– Но тогда получается, что до этого они были заинтересованы в обратном? – хмыкнул второй.

– Да! На определённом этапе нужны архитекторы и инженеры, а потом, когда всё уже построено, – только персонал, обслуживающий механизмы. И лучше, если тупой и не задающий лишних вопросов, которые может подсказать высокое искусство. Следуя некоему глобальному плану, к миллениуму всё построили, наладили добычу и переработку, поэтому и решили поменять основную доктрину... – не унимался первый, но к концу тирады немного скис.

Повисла пауза.

– Дерзай! – воскликнул Один. Журналисточка вздрогнула. – Экспертов обязательно подключи. Но чтоб не в одни ворота: пусть кто-нибудь скажет, что именно такое искусство, которое мы имеем, и нужно современному человеку.

Материал получился несколько поверхностный, но Один всё равно выпустил его в эфир.

Ещё можно было развлечься чтением. У кровати стояла этажерка с довольно странной библиотекой с уклоном в антропологию и историю религии. Максим уже забыл, когда в последний раз держал в руках бумажные издания. Листая страницы, он в подробности не вдавался – больше картинку разглядывал.

Буратино выходил на связь редко: говорил только по делу и напрочь отказывался развлекать скучающего затворника праздными беседами.

Самым значительным событием за время заточения стала пластическая операция, в необходимости которой Максима убедил «внутренний голос». Пришли какие-то люди в медицинских масках – по всей видимости хирург с ассистенткой, – и прямо на кухонном столе сделали из Максима нового человека.

Операцию произвели хоть и с его согласия, но о результате не предупредили. Переносицу сделали уже и добавили горбинку, а кончик носа удлиннили и загнули вниз. Опустили внешние уголки глаз, а сами глаза стали немного навывкате, как будто под них что-то подложили. Подпилили скулы. Губы сделали полней и приспустили углы рта. Лицо получилось немного умнее и печальнее. Стандартный славянин превратился в очень симпатичного еврея с почти иконным ликом.

К новой внешности Максим привыкал долго. Увеличившийся нос закрывал часть поля зрения, но мозг довольно быстро научился игнорировать это препятствие. Гораздо сложнее было осознавать себя другим человеком: другой внешности, другой национальности, другой судьбы... Однако своим внутренним взором он продолжал воспринимать себя прежним и при виде своего отражения всякий раз удивлялся.

В свой очередной визит загадочный тип принёс ему документы на имя Даниэля Альтмана, которому уже оформлена репатриация в Израиль. В ответ на бурное возмущение Максима Буратино предложил ему ещё раз посмотреть на своё отражение.

– Поверь, мы не случайно выбрали для тебя эту страну.

Они совместно сочинили Альтману легенду, схожую с биографией Одинцова, но без журналистики и провинциального происхождения. Еврейский мальчик, москвич, закончил школу, потом, как подобает отпрыску хорошей фамилии, поступил в институт на биофак. После окончания работал в лаборатории, звёзд с неба не хватал. Решил репатрироваться в Израиль.

В Шереметьево, после того как Альтман прошёл таможенный контроль, Буратино пообщался с ним, объяснив, что выходит на связь с агентами организации, на которую работает, только во время выполнения ими важных миссий, и выразил надежду, что они ещё пообщаются, если Максим захочет стать одним из них и заслужит эту честь.

Чиновник израильского министерства внутренних дел перед тем, как выдать новому репатрианту Альтману паспорт, спросил:

– Какую религию исповедуете?

– Сейчас никакую, – зачем-то решил похулиганить Максим, несмотря на прямое указание со стороны Буратино объявить себе иудаистом. – Я, собственно, в Израиль еду за тем, чтобы определиться.

Чиновник посмотрел на него долгим взглядом.

– Я тогда вам прочерк в эту графу поставлю. Когда определитесь, сообщите в МВД, вам поменяют.

– Это обязательно?

– Нет, – невозмутимо ответил чиновник.

Глава 4.

Уже через месяц после «интервью» с Профессором новоиспечённый израильтянин очутился на террасе у Карлсона.

Дорит хозяйничала на кухне, Силён дымил мангалом, Евгён расставлял закуски и салаты.

– Может, мне рассказать о себе для начала? – спросил Максим, которому было неуютно под пристальным взглядом хозяина дома, сидевшего по другую сторону стола.

– Не стоит, Даниэль. Я знаю и твою настоящую биографию, и легенду. Я, кстати, подписан на твой новостной портал. Дора – вообще твоя фанатка. Это она забила тревогу, когда ты выпустил ролик, в котором рассказал, как тебя прессуют в России. Ну а я предложил руководство спрятать тебя здесь, у нас. Нам нужны люди с активной гражданской позицией.

– Благодарю, – Одинцов улыбнулся польщённо. Особенно приятно было услышать, что красавица Дорит приняла самое непосредственное участие в его спасении. – А мне положено что-нибудь знать о вас?

– Безусловно. Пока накрывают на стол, я с удовольствием представлю тебе обитателей дома. Начну с себя... Борис Ефимович Очиповский, – он церемонно наклонил голову. – Родился в Нижнем Новгороде без малого шестьдесят лет назад. Отучился на инженера, но по специальности не работал ни дня. Так получилось: когда я закончил обучение, наступили лихие времена, и мне пришлось заняться разнообразным предпринимательством. В начале тысячелетия уехал в Израиль. Поднялся на операциях с криптовалютой. Купил этот дом, открыл на первом этаже магазин «Русская книга» – проект, кстати, более просветительский, чем коммерческий. Кроме книжного у меня есть ещё кое какие гешефты, но о них тебе знать пока необязательно.

Он замолчал. Максим понял, что от него ждут вопросов, и скорее из вежливости поинтересовался:

– Можно про криптовалюту поподробней? Очень интересный опыт. Вы первый, кого я вижу живую из тех, кто на этом «поднялся».

– Вряд ли это принесёт тебе какую-то практическую пользу, Даниэль, – улыбнулся Борис Ефимович. – Вот этого молчаливого молодого человека, который встретил тебя в аэропорту и привёз сюда, зовут Силен. Бьюсь об заклад – он не представился.

Максим посмотрел на то, как здоровяк переворачивает источающие некашерные ароматы шашлыки, и кивнул. Хозяин вздохнул.

– Он такой. Лишним словом не обмолвится, но, если познакомишься с ним поближе, поймёшь, что это вовсе не из-за дурного характера или глупости. Он далеко не так прост, как кажется... Отслужил девять лет в элитных боевых частях армии обороны Израиля. Выполняет функции моего телохранителя.

– И шашлыки ещё жарит... – заметил Максим.

– О да. И превосходные. Теперь Евген. Мой племянник. Тоже отслужил в армии, потом получил степени по антропологии и психологии, преподавал в тель-авивском университете. В один прекрасный момент захандрил; познал природу человеческую и резко состарился в душе. Он поэтому глаза всё время прячет, чтобы собеседника не смущать. У него в них такая тоска... Я его и забрал к себе, чтоб не зачах совсем. Формально он числится у меня коммерческим директором, но на самом деле его полномочия гораздо шире. В моё отсутствие он за главного. С Силеном просто не разлей вода. Силен – настоящее имя, а Женю мы зовём «Евгеном» для созвучия.

Как раз в этот момент, как будто услышав, что говорят о нём, к столу подошёл Евген. На сгибе локтя у него висело белое полотенце. Явно кривляясь, он наклонил голову.

– Вино какое прикажете подавать, дядюшка? Французское, италийское али гишпанское?

Борис Ефимович вопросительно посмотрел на Максима, приглашая гостя самого сделать выбор.

Максим решил подыграть:

– А израильское подают у вас?

Евген развернулся к Максиму. Глаза его действительно на собеседнике не фокусировались, бегали по сторонам.

– Какое изволите: этого года или десятилетнее?

– Пожалуй, десятилетнее, – важно промолвил Максим, немного поколебавшись для виду.

Евген прекратил придуриваться и подсел на скамейку рядом.

– Не советую, израильтяне те ещё виноделы. Обычно бутылка молодого вина шекелей пятьдесят стоит, а как на складе лет пять постоит... постоит, заметь, не полежит... – так уже сотня – типа марочное. А через десять лет коллекционным становится – и сто́ит уже не меньше трёхсот. О том, что качество вина от года зависит – один удачный, другой нет – они, конечно, знают, но делают вид, что каждый год на Святой Земле удачен. Чем старше вино, тем дороже. Сидят потом «ценители» по ресторанам, с важным видом уксус дегустируют...

Его речь совсем не выдавала в нём бывшего университетского преподавателя.

– Ну так принеси испанского, милейший. На свой вкус, – заключил Борис Ефимович. Евген ушёл, по-лакейски поклонившись и закинув на руку полотенце. – Теперь Дора. Её полное имя Дорит. Не вздумай как-нибудь назвать её Доротёя – за это даже по шее схлопотать можешь... Знает восемь языков. Мой секретарь-референт. Ещё по хозяйству помогает, как видишь. Когда у неё настроение, готовит для всех нас ужин. Ей подвластны все кухни мира: от французской до японской, но лучше всего у неё получается борщ.

Ещё в доме живут Андрей, Саша и Мордехай. Сегодня их, к сожалению, за столом не будет. Они строители, Мордехай – эфиоп, у них бригадир. У него кличка Она́хну. Когда три года назад он репатриировался в Израиль, кроме пары африканских языков знал только с грехом пополам английский. Я в доме ремонт как раз затеял, так и познакомились. Пришлось ему учить иврит и русский одновременно. Поначалу в голове его творился лютый балаган. Он говорил на трёх языках одновременно. Как-то предупредил меня, что идёт обедать со своими ребятами словами: «Анахну гоу кушать». «Анахну» – это «мы» на иврите.

Максим улыбнулся, но потом заговорил серьёзно:

– Люди, которые... э-э... курировали меня в Москве, ничего не объясняли. Они говорили, в Израиле тебе всё объяснят. Буратино тоже... Я так понимаю, то, что вы сейчас изложили, – это ваши легенды. Кто вы на самом деле? Что за организацию представляете?

Борис Ефимович остановил его странным жестом – сложил кисть в щепоть, развернул её кончиками пальцев вверх и потряс. Потом медленно и очень серьёзно произнёс:

– Когда придёт время, всё узнаешь. Если ты нам подойдёшь, конечно... Я сам лично предоставлю тебе информацию о других наших занятиях кроме книготорговли. А пока не огорчай меня и не приставай ни к кому с расспросами.

Тем временем стол был накрыт и подоспели шашлыки.

Несмотря на то, что Борис Ефимович назвал своим заместителем Евгена, по правую руку от него села Дора. Напротив неё разместились Евген и Силен.

Выпили за вновь прибывшего. Силен стал заворачивать шашлыки в лаваш, выдёргивать шампуры и укладывать на тарелки. Евген посыпал мясо луком и зеленью и передавал по кругу, начав с гостя.

Блюдо было великолепно и без дополнительных соусов и приправ. Но Максиму захотелось попробовать местной экзотики. На столе стояли две плошки с какой-то зернистой жижей, в одной – зелёной, в другой – красной. Он заметил, что Дора взяла ложечку красной и чуть-чуть полила мясо. Он тоже протянул руку.

– Это харив. Красный – очень острый с непривычки. Возьми лучше зелёный, – предупредила Дора.

– Я люблю острое, – гордо заявил Максим.

Это было правдой: он любил перец и аджику и в якитории клал много васаби в соевый соус.

– Видишь ли, Даниэль, Дора выросла в семье, в которой предпочитали эфиопскую кухню, – заметил Борис Ефимович. – очень острую, скорее по санитарным, нежели по эстетическим соображениям. Не огорчай ни себя, ни меня, возьми зелёного.

Гость упрямо зачерпнул красный соус, не скупясь полил им кусок мяса и отправил в рот. И тут же возблагодарил небеса за то, что ему хватило ума не поливать этим напалмом весь шашлык. Это в первый момент, пока он ещё мог соображать. Буквально ещё секунд пять он пытался делать вид, как будто всё идёт так, как он планировал. Потом, чтобы не выплёвывать, проглотил полупережёванный кусок. Потом ему стало всё равно. Во рту было так больно, что дыхание пресеклось, а из глаз полились слёзы. Максим открыл рот и попытался сделать вдох. Глотку обожгло жаром вулканического извержения. В отчаянии он замахал руками. В следующий момент перед его лицом оказался пакет с молоком – опытная в таких делах мулатка успела сбегать к холодильнику.

Когда он пришёл в себя, у всех был такой вид, будто они еле сдерживают смех. Максиму было стыдно за свой мальчишеский поступок, но он произнёс как ни в чём не бывало:

– Силен, а передайте, пожалуйста, зелёный соус.

Первым захохотал Карлсон, залиvisto и от души. За ним беззвучно затрясся Евгений. Дора спрятала лицо в ладони и даже немного подвизгивала сквозь смех. Силен широко улыбался, глядя на всех по очереди, и спрашивал:

– Зелёный? Дать тебе зелёный? Точно?

У Максима снова выступили слёзы, но на этот раз от смеха.

Происшествие сразу сблизило вновь прибывшего с аборигенами. Непринуждённый разговор об особенностях жизни в Израиле и пара приветственных тостов скрасили трапезу. Когда пришла пора десерта, Дора, Евгений и Силен занялись переменной блюд. Максим хотел было помочь, но Карлсон удержал его тем же странным жестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.